

Раннее утро.

Шэнь Юй, как обычно, вышел из дома на двадцать минут раньше положенного. Мучимый всю ночь напролет одними и теми же мыслями, он явился на улицу с двумя темными кругами под глазами.

Утренний воздух до семи часов был прохладным. Юноша втянул голову в плечи и закрутил педали велосипеда быстрее.

Проехав неизвестное количество поворотов, он наконец увидел Цзян Чжана на перекрестке у стены из роз возле вилл.

Тот как раз выезжал со двора. На шее у парня висели спортивные наушники, верхние пуговицы рубашки были расстегнуты, обнажая холодную, бледную и выступающую ключицу, словно выточенную из драгоценного нефрита.

Его пальцы, удивительно изящные и длинные, небрежно лежали на руле — даже не касаясь тормозов, они полностью накрывали рукоятки.

Шэнь Юй ехал по левую сторону от него, держась на небольшом расстоянии. Листья платанов шуршали под колесами, устилая дорогу пестрым ковром, а он любовался широкой и прямой спиной впереди идущего и его указательным пальцем, который едва заметно постукивал по рулю во время ожидания светофора.

Шэнь Юй знал: это признак того, что Цзян Чжань выходит из себя.

В прошлом году, когда он упал во время забега на восемьсот метров на спортивном празднике, тот смотрел на него точно так же, стоя у финиша. К счастью, он отделался легким ушибом и быстро поднялся.

Однако этот позорный эпизод в те дни всплывал в памяти постоянно, не давая покоя.

Каждый раз, стоило ему задуматься, начать есть или лечь спать, в голове, словно на калейдоскопе, прокручивалось это холодное, отстраненное лицо и нервный перестук пальцев.

Тогда Шэнь Юй решил, что парня, должно быть, раздражала невыносимая жара или то, как нелепо он растянулся на дорожке, ведь следующим номером программы был забег Цзян Чжана на полторы тысячи метров.

Так они и доехали друг за другом до велосипедной стоянки слева от школьных ворот.

Время было позднее, площадка оказалась забита битком. Цзян Чжань, высокий и статный,

быстро, одним движением ноги, заблокировал замок и, закинув рюкзак на плечо, зашагал к корпусам.

Отставший Шэнь Юй с трудом припарковал свой велосипед в тесноте.

Когда он снова поднял голову, силуэта Цзян Чжана уже и след простыл. С неохотой отведя взгляд, он на остатках времени побежал в ближайшую закусочную.

Когда Шэнь Юй вошел в класс с двумя мясными булочками в руках, до начала первого урока оставались считанные минуты. Большинство учеников уже достали учебники и принялись за чтение.

Входя в кабинет, Шэнь Юй вновь машинально начал искать взглядом того самого человека. Казалось, это вошло в привычку, доведенную до автоматизма: если речь шла о Нём, никакие напоминания не требовались.

Увидев Цзян Чжана, который уже снял наушники и открыл книгу, он невольно остановился.

Голос парня звучал чисто, с легкой хрипотцой, выделяясь среди общего шума. Его было легко узнать из тысячи.

Каждое слово выговаривалось четко, словно родниковая вода, пробивающаяся сквозь горные камни, — этот звук мгновенно умирал любой внутренний жар.

Это было лишь простое чтение, но Шэнь Юй почувствовал, как по телу пробежала приятная дрожь, и вся ночная тревога разом испарилась.

Чэнь И, заметив, что приятель всё еще мнетя у доски, помахал ему рукой:

— Давай быстрее, урок уже начинается.

Лишь после этого оклика Шэнь Юй пришел в себя. Увидев Чэнь И, он сменил свою угрюмую гримасу на улыбку, быстро подошел к парте и положил сверток с булочками.

Чэнь И покосился на скудный завтрак и спросил:

— Почему без напитка? Не боишься подавиться?

— Сегодня пришел поздно, соевого молока уже не было, — Шэнь Юй потер кончик носа.

Чэнь И перелистывал учебник, и, услышав школьный звонок, вздохнул:

— Опять будешь ждать перемены, чтобы поесть? Так ты рано или поздно заработаешь гастрит.

— Ничего страшного, утренние уроки короткие, да и я привык. — Шэнь Юй быстро запихнул булочки в парту и достал учебник.

— Привычка перерастет в болезнь. Ты сейчас еще молод, а вот как прихватит живот — тогда узнаешь, каково это.

Шэнь Юй лишь виновато улыбнулся и промолчал.

Хотя до глубокой осени было еще далеко, Чэнь И кожей чувствовал, как от Шэнь Юя веет холодом утреннего ветра.

Он наклонился к самому уху друга и поддразнил его:

— Неужели ты опять с самого рассвета делал крюк, чтобы подождать Цзян Чжаня у его дома?

Шэнь Юй огляделся, убедился, что никто не слышит, придвинулся ближе и кивнул.

— Ну ты даешь... — Чэнь И раскрыл книгу, глядя на него с досадой, будто на непутевого брата.

— Вот увидишь, зимой ты так до смерти замерзнешь.

Шэнь Юй не ответил. Ему хотелось сказать, что он делает так уже три года и, если не считать дней с проливными дождями или штормовым ветром, не пропустил ни разу.

Он достал из кармана конфеты, которые прихватил утром, и протянул несколько штук другу, чуть приподняв подбородок:

— Эти вкуснее тех, что были в прошлый раз, попробуй.

С тех пор как он попал в этот класс, Чэнь И стал первым, кто заговорил с ним. Хотя они были знакомы всего несколько недель, тот не стал, подобно остальным, выстраивать вокруг себя стены, а сам пошел на контакт.

Когда Шэнь Юй признался, что ему нравится Цзян Чжань, что его привлекают парни, Чэнь И не выказал особого удивления, наоборот — проявил понимание.

Возможно, отсутствие неприязни с его стороны и вызвало у Шэнь Юя острое желание выговориться. Он вывалил на него все свои тайны.

Ему было слишком тяжело, слишком хотелось, чтобы кто-то выслушал. Будь то дома или в школе.

Даже его чувства к Цзян Чжаню были одинокой, скрытой от всех тайной.

У Чэнь И было мягкое овальное лицо, изогнутые в улыбку глаза и, как и у Шэнь Юя, очки — он совершенно не выглядел как человек, способный причинить зло.

Притворившись загадочным, он тоже полез в парту и достал шоколадку:

— Попробуй и ты. Мама привезла из-за границы, я берег ее, но решил отдать тебе первому. — Он толкнул друга в плечо и подмигнул: — Видишь, как я к тебе хорошо отношусь?

Шэнь Юй, сжимая шоколадку, уже хотел кивнуть, но тут сидевшая впереди девушка с длинными волосами обернулась и раздраженно бросила:

— Вы двое, можете потише? Дать другим поучить или нет?

Голос был не слишком громким, но в тишине класса, где слышалось лишь невнятное бормотание, он прозвучал особенно резко. Многие прервали чтение и уставились на них... включая Цзян Чжана.

Парень мельком взглянул на них холодным, равнодушным взглядом и тут же отвернулся, словно происходящее было совершенно неважным эпизодом.

Шэнь Юй под этим взглядом даже начал заикаться. Он вцепился в страницы учебника и пробормотал:

— М-мы, мы будем тише, п-простите...

Девушка хмыкнула, с отвращением окинула их взглядом и бросила:

— Аж тошнит от вас, — после чего отвернулась.

— Эй, ты что сказала? — Чэнь И и так был недоволен тем, что она ни с того ни с сего начала орать. Мало того, что она вечно придиралась по пустякам, так сегодня они даже говорили шепотом! Разве это не провокация?

А последняя фраза и вовсе заставила его вспыхнуть от гнева. Голос стал громче:

— Что значит тошнит? Ты что имеешь в виду?!

Шэнь Юй был ошарашен — он никак не ожидал, что обычно спокойный Чэнь И может так вспылить. Он поспешно схватил друга за руку, качая головой, умоляя остановиться:

— Всё нормально, всё хорошо, забей, это того не стоит.

Но Чэнь И не опустил головы. Вырвав руку, он с искаженным от ярости лицом уставился на девушку.

— А что я имею в виду? — Девушка, которую при всех поставили на место, не собиралась молчать. Она развернулась, и ее голос зазвучал еще громче, перекрывая слова парня. В каждом жесте сквозило презрение: — То и имею! Не понимаете по-человечески? Тошнит — значит противно, значит мерзко! Мало того что вы вечно жуete свой завтрак посреди урока, так еще и огрызаетесь? Вы что, ресторан тут устроили?!

— Мусор.

Сказав это, она с презрением оглядела обоих и добавила с усмешкой:

— Два очкарика.

— Эй, повтори, что сказала! — Чэнь И пришел в ярость.

<http://bllate.org/book/21862/2268897>